

ВОЕННЫЕ МЕМУАРЫ

Г. И. Филипсон
ВОСПОМИНАНИЯ

КУЧКОВО ПОЛЕ
Москва
2019

Издание осуществлено при финансовой поддержке Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям в рамках реализации государственной программы Российской Федерации «Развитие культуры и туризма»

Текст воспроизведен по изданию:
К запискам Г. И. Филиппсона // Русский архив.
1883. № 5, 6; 1884. № 1–3

Филиппсон Г. И.

Ф53 Воспоминания / подгот. текста, коммент. В. Е. Климанова. — М.: Кучково поле; Издательский центр «Воевода», 2019. — 448 с. — (Военные мемуары)

ISBN 978-5-9950-0989-4 (ООО «Кучково поле»)
ISBN 978-5-9907252-7-0 (ООО «Издательский центр «Воевода»)

Мемуары Григория Ивановича Филиппсона (1809–1883), генерала от инфантерии, наказного атамана Черноморского казачьего войска и начальника штаба Кавказской армии охватывают период с юности автора и до 1847 года, однако их центральной темой является один из переломных периодов Кавказской войны (1835–1847), совпавший с началом правления имама Шамиля.

Автор, являясь непревзойденным знатоком Кавказского края и непосредственным участником событий, дает подробное, но вместе с тем доступное описание быта и нравов России того времени, при этом не скрывая своей принципиальной и независимой позиции, которая иногда и приводила его к конфликтам.

Издание снабжено предисловием, комментариями, научным справочным аппаратом и предназначено как для специалистов, так и для всех интересующихся историей России.

УДК 94(47)"18":82-94
ББК 63.3(2)

ISBN 978-5-9950-0989-4
(ООО «Кучково поле»)
ISBN 978-5-9907252-7-0
(ООО «Издательский центр
«Воевода»)

© Климанов В. Е., подготовка текста,
комментарии, 2019
© ООО «Кучково поле», дизайн-макет,
издание, 2019
© ООО «Издательский центр
«Воевода», 2019

Григорий Иванович Филиппсон и его воспоминания

Григорий Иванович Филиппсон родился 1 января 1809 года. Его отец, Иван Андреевич Филиппсон, выходец из осевших на русской службе англичан, на момент рождения первенца служил командиром гарнизонного полка в Казани. Через год он вышел в отставку в чине полковника и переехал в имение своей молодой супруги Прасковьи Степановны, урожденной Есиповой.

Первые девять лет Григорий прожил в атмосфере неспешной сельской жизни, а после был определен в университетский пансион. Как позже признается сам Филиппсон, системного образования он не получил, хотя был человеком очень любознательным и много читавшим. Гимназии и пансионы запомнились ему в большей степени хаосом и беспорядками, царившими во многих учебных заведениях России.

Иван Андреевич принял решение определить сына в армию. В 1823 году Григорий покинул гимназию и отправился в Олонецкий пехотный полк. На тот момент ему было всего 14 лет, и впоследствии он не раз отмечал, что большая разница в возрасте с сослуживцами (им было по 18–19 лет) создавала определенные трудности. Однако таланты Филиппсона были отмечены полковым начальством, и уже через год он был зачислен в юнкерскую школу в Могилеве. По завершении курса для продолжения образования он был направлен в офицерское училище, окончил которое в чине прапорщика. После Григорий был определен в Таврический гренадерский полк, который тогда носил имя принца Евгения Вюртембергского.

Вместе с полком Филиппсон принял активное участие в усмирении Польского восстания 1830–1831 годов. Так, полк

принимал участие в битвах при Калушине, Вавре, Грохове, отличился при Остроленке. За участие в штурме Варшавы Григорию Филипсону были вручены ордена Св. Анны 4-й степени и 3-й степени с бантом, а также польский знак отличия за военное достоинство 4-й степени.

Несмотря на успехи на поле боя, Филипсон обнаружил склонность к штабной работе, поэтому вскоре после завершения похода он был прикомандирован к Военной академии. В 1833–1835 годах обучался в академии, после чего направился в распоряжение Генерального штаба. Еще в академии он проявил большой интерес к кавказскому направлению, занимался изучением восточных языков. Столичная жизнь, по его собственному признанию, была ему неинтересна, поэтому он изъявил желание продолжить службу на Кавказе.

Филипсон поступил под начальство А. А. Вельяминова, командующего войсками Кавказской линии и Черноморского края, большого знатока Кавказа. Первоначально Григорий Иванович занимался топографическими съемками кавказских местностей, после чего был переведен на должность обер-квартирмейстера. С образованием 1-го отделения Черноморской прибрежной линии он был назначен начальником штаба при командующем генерал-майоре Н. Н. Раевском (сохранил должность и при генерал-майоре И. Р. Анрепе). За успешные экспедиции против горцев в 1842 году Филипсон был удостоен ордена Св. Владимира 3-й степени. В 1845-м его назначили начальником штаба войск Кавказской линии.

К этому времени Филипсон успел стать признанным знатоком края, имевшим представление о его природе и географии. Не будучи умелым боевым офицером, он проявил себя грамотным штабным, которому не раз доводилось планировать экспедиции против горцев. Прибытие в 1845 году М. С. Воронцова на пост кавказского наместника не вызвало у Филипсона радости. В результате их конфликта последний принял решение подать в отставку.

Спустя несколько лет Филипсону вновь предложили вернуться на Кавказ. В июле 1855 года он был назначен наказным атаманом Черноморского казачьего войска, а в августе 1856 года — командиром 1-й бригады 19-й пехотной дивизии.

Князь А. И. Барятинский, занявший пост главнокомандующего Кавказской армией в 1856 году, высоко ценил Филипсона и неоднократно представлял его к наградам за отличия в делах против горцев — при занятии и возобновлении крепости Анапы, при постройке в низовьях долины Адагума укрепления, а также за боевую распорядительность во время экспедиции между реками Лабой и Белой. За пять лет Филипсону вручили ордена: Св. Владимира 2-й степени с мечами (1858), Белого орла (1859) и Св. Александра Невского с мечами (1859). 28 сентября 1857 года он был произведен в генерал-лейтенанты, а в следующем году назначен командующим войсками правого фланга Кавказской линии. В 1860 году Филипсон стал начальником штаба Кавказской армии, который покинул спустя год в связи с исполнением возложенных обязанностей.

Вернувшись в Петербург, Филипсон получил назначение в Сенат, а затем уже был определен попечителем Санкт-Петербургского учебного округа. Революционно настроенное студенчество в начале 1860-х годов постоянно устраивало волнения и беспорядки, поэтому нельзя сказать, что место попечителя стало для Филипсона почетной отставкой. Любые его действия по усмирению студентов вызвали общественное недовольство. Ф. И. Тютчев отозвался на подавление беспорядков эпитаграммой:

Он прежде мирный был казак,
Теперь он попечитель дикий;
Филиппов сын — положим, так,
А все не Александр Великий.

Обвинения в неоправданной жестокости вынудили Филипсона покинуть пост попечителя и полностью перейти на работу в Сенат, где он с перерывом присутствовал вплоть до 1880 года. За отличную полувековую службу Филипсон был произведен в генералы от инфантерии, чин 2-го класса по Табели о рангах.

Жизнь Филипсона оборвалась трагически. Канун нового 1883 года он провел с двумя младшими дочерьми в гостях. Возвращаясь домой пешком, он был сбит четверкой лошадей. Тут же Григорий Иванович был доставлен в Мариинскую

больницу, однако врачи сочли раны незначительными и в тот же день отпустили его. 14 января 1883 года Г. И. Филипсон скончался от последствий аварии.

Уже после смерти Филипсона были опубликованы его мемуары, которые он начал вести за десять лет до трагического происшествия. Первые части воспоминаний на протяжении 1883–1885 годов печатались в историко-литературном журнале «Русский архив». Они охватывают период от рождения автора и до 1847 года, то есть почти до его первого отъезда с Кавказа, и представляют подробное и небезынтересное описание быта и нравов России первой половины XIX века. Ценно и то, что Григорий Иванович дает характеристики не только событий, но и упоминаемых им людей — своих друзей или сослуживцев. Можно встретить в его мемуарах и резкие замечания о Николае I — идеологически Филипсон был близок к реформаторскому курсу императора Александра II.

В роли первого рецензента записок Филипсона выступил А. Л. Зиссерман, автор воспоминаний «25 лет на Кавказе», вышедших еще при жизни Григория Ивановича. Как въедливый читатель, Зиссерман обращает внимание на ряд ошибок и неточностей в воспоминаниях Филипсона, однако подчеркивает, что они не имеют принципиального значения. Он с горечью констатирует, что общество отнеслось к кончине почтенного генерала равнодушно, равно как и к публикации его мемуаров.

Настоящая книга — первое за полтора столетия переиздание воспоминаний Г. И. Филипсона, значение которых пока не осмыслено в полной мере.

Г. И. Филипсон

ВОСПОМИНАНИЯ

Хочу написать то, что в жизни случилось видеть и испытать, насколько все это сохранилось в памяти. Успею ли? Мне скоро минет 65 лет.

Я плохо верю беспристрастию автобиографий. Руссо не щадил себя в своих Confessions¹, но я уверен, что он сказал о себе дурного или слишком мало, или слишком много: есть и такие странности в природе человека. Знаю наперед, что и в моем рассказе будет немало недомолвок. Общий итог жизни будет подведен не нами. Да будет воля Его! Он будет судить по Своей правде, а не человеческим судом, на котором не оправдится пред Ним всяк живой.

22 июля 1873 г.

* * *

Я родился в Казани 1 января 1809 года. Мой отец, Иван Андреевич, был родом из Риги. О его происхождении я почти ничего не знаю. Он был средний из трех братьев. Старший брат пропал без вести на тринадцатом году жизни; младший умер на службе в Тобольске, оставив трех сыновей. Помнится, отец говорил, что их предки вышли из Англии. Во всех его служебных и официальных документах он назван Филипсен — произношение простонародной шотландской фамилии Philipson. По ребяческому капризу, я произвольно изменил русское произношение нашей фамилии и стал называться Филипсон, но после встретил трех своих двоюродных братьев, которые воспитывались во 2-м кадетском корпусе и назывались также Филипсонами. Больше ничего не знаю о семействе моего отца. Тринадцати лет его записали в военную службу. Это

¹ Исповедь (фр.).

было, по моему соображению, в 1774 году. Через 12 лет он был произведен *в адъютанты с заслугой одного года за прапорщичий чин*. Он участвовал в войнах Екатерининского времени и имел золотой крест за взятие Праги¹. Впрочем, его служба не была, кажется, ничем особенно замечательна. В 1808 году он был подполковником и командовал в Казани гарнизонным полком. В это время он женился, имея 45 лет от роду. Через год после моего рождения отец оставил службу полковником и с пансионом по 210 рублей ассигнациями в год.

Мой отец был добрый и честный человек. Это одна из светлых личностей, оставшихся в воспоминаниях моего детства. Сдав полк, обыкновенно дававший значительный доход своему командиру, отец оказался обладателем двух ломберных столов, сделанных полковыми мастерами, и польской плетеной брички, приобретенной еще в Польше, в царствование Екатерины. В оправдание себя он обыкновенно говорил: «По крайней мере, ночью подушка под головой не вертится». Он не отличался особенной твердостью характера; если был когда упрям и настойчив, то чисто пассивно. Екатерининский век и особенно государственная служба не образовывали самостоятельных характеров. Необузданный произвол на всех ступенях иерархии вызывал раболепство, а циническая роскошь любимцев, сосавших пот и кровь из народа, растлевала нравственность и извращала самые основные понятия о чести и честности. Нелегко было тогда оставаться даже тривиально честным. За недостатком особенной твердости характера отцу помогло в этом религиозное чувство. Он был лютеранин, но в деле веры исповедовал полнейшую терпимость. Если вблизи не было лютеранской церкви, он очень часто ходил в православную и соблюдал все наши правила и обряды при молитве. Только

¹ Имеется в виду предместье Варшавы, расположенное на правом берегу Вислы. В 1794 г., во время Польского национального восстания, — центр обороны польских повстанцев. Взята штурмом войсками Суворова 24 октября (4 ноября) 1794 г. После штурма Праги Варшава капитулировала, Суворов был награжден чином генерал-фельдмаршала, а все офицеры — участники штурма, не получившие орденов, по указу Екатерины II были награждены особыми золотыми крестами, носившимися на ленте с черными и желтыми полосами. (*Здесь и далее примеч. В. Климанова, если не указано иное*).

по воскресеньям, встав очень рано, он ходил по зале и вполголоса пел лютеранские церковные песни по старинной книге песней (Gesangbuch 1648 года). Эта книга вместе с Пражским крестом осталась у меня единственным после него наследством. Ближайшая от нашего имени лютеранская церковь была в Саратове, в 200 верстах. Ездить туда он не мог, старость приближалась, недостаток общения с единоверцами, как видно, ставился для него все более тягостным. В 1820 году он решился принять православную веру. Он сделал это без всякого шума. Его помазал миром наш деревенский священник, отец Николай, человек полуграмотный и которого редко можно было видеть трезвым. Перемена веры несколько не изменила образа жизни и обычаев отца. Он продолжал по воскресеньям до обедни петь свои лютеранские песни к немалому соблазну прислуги. Еще одна черта замечательна в характере моего отца — это необыкновенная простота жизни и близость к народу. Это была его природная склонность, а не убеждение, выработанное размышлением и опытом.

В начале своей службы отец ездил как-то на свою родину, в Ригу, но там уже никого не нашел, отец и мать его умерли, младший брат был где-то на службе, старший так и не отыскался. Даже родных никого не оказалось. Отца это очень опечалило. Более в свою опустевшую родину он не ездил, но долго искал по всей России своего старшего брата. Два раза ему удалось найти своих однофамильцев: выборгского коменданта и нижегородского помещика. К последнему он сам ездил, но и тот, и другой оказались ему чужими. Одиноким стариком дожил век в кругу родных своей жены, моей матери.

Моя мать, Прасковья Степановна, урожденная Есипова. Эта фамилия ведет свой род от татарина мурзы Юсуфа, который от царя Михаила Федоровича получил значительные поместья в нынешних Казанской и Симбирской губерниях. Большая часть этих имений вышла из рода Есиповых, и, вообще, род этот захудал и обеднел, но это не мешало моей матери оставаться равнодушной к памяти своего азиатского предка. Если кому из Есиповых случалось сделать что-нибудь энергическое, хотя бы самодурство, мать не без некоторой гордости приписывала это «нашей татарской крови». Это

был бесконечный предмет ее споров с младшим братом моим Николаем, который казанских татар не любил и называл «ковчниками».

Отец моей матери, Степан Петрович Есипов, имел более 500 душ крестьян в Симбирской и Пензенской губерниях и жил в своем симбирском имении Ка́преве, которое в народе известно под названием «Ковыр́ева». Он жил зажиточно, был страстный псовый охотник и любил попить, страсть, общая всем почти Есиповым. Дед мой женат был на Александре Афанасьевне Кайсаровой, дочери богатого помещика Владимирской губернии. В имении ее отца, селе Ушаткина (в восьми верстах от города Судогды), родилась моя мать 24 июля 1789 года.

Мать моя женщина добрая и любящая, хотя имела особенности характера, которые делали ее неуживчивой и не всегда справедливой. Образование ее, как и большей части дворянок того времени, состояло в том, что крепостной лакей ее отца, Иванушка Хороший, научил ее читать и писать. Она была женщина очень неглупая и чтением кое-что добавила к своему образованию. Замуж вышла она, конечно, не по любви. Супружеская жизнь моих родителей была не очень счастлива; была тишь, но были и бури на их житейском море. Кажется, главной виной их несогласия была слишком большая разность лет: едва ли возможно слить жизнь 19-летней девочки, еще не жившей, с жизнью 45-летнего мужчины, уже очень пожилого. К этому нужно прибавить различие происхождения, веры, обычаев. В старости супруги сжились, но каждому из них недешево стоило едва ли искреннее согласие.

Первый год моей жизни прошел в Казани. Мне заранее приготовлена была кормилица из крепостных моей матери, но я только четыре месяца пользовался ее молоком. Она оказалась беременной и была прогнана, а оканчивать кормление возложено было на козу.

Отец вышел в отставку и собирался поселиться в имении моей матери. В ожидании своего отъезда из Казани отец и мать отправили меня вперед больного за 350 верст, зимой и на руках няньки, 22-летней женщины. Ехали мы проселочными дорогами, в карете, на своих лошадях. В день успевали проехать от 50 до 60 верст, следовательно, пробывли в дороге не менее

недели. Ночевали в деревнях, в крестьянских избах. Ночь и день бедная нянька не могла сомкнуть глаз; все время у меня был сильный жар; однажды она сочла меня умершим и положила на стол. Меня спасло, конечно, не чудо, а здоровое сложение и особенно любовь и заботы моей доброй няньки, которую я всегда любил как мать.

Авдотья Назаровна была крепостная девушка моей бабушки, Есиповой, товарищ детства моей матери, которой она дана была в приданое. 19-ти лет ее отдали за дворового человека, Ефима, конечно, не спрося ее согласия. Муж оказался самодуром и горьким пьяницей. Впрочем, он был человек добрый, буянил только под пьяную руку и с каким-то детским легкомыслием, но во всякое время готов был отдать нуждающемуся последнюю с себя рубаху. Работал он с каким-то страстным увлечением, но плодами его трудов всего менее он сам пользовался. Можно себе вообразить, сколько горя натерпелась бедная молодая женщина с таким мужем! Ее назначение нянькой давало ей некоторый отдых и мало-помалу совсем разлучило с мужем. Но явилось новое горе. В первый же год брака у нее родился сын, Хрисанф, прекрасный мальчик, который, кажется, наследовал не только все хорошие качества отца, но и его легкомыслие. Матери с ним некогда было возиться; 11-ти лет его отдали в Казань учиться портному мастерству, а он научился воровству. Кончилось тем, что, пройдя много промежуточных степеней, он был сослан в Сибирь на поселение. Нельзя выразить, что перетерпела во все это время бедная мать, для которой сын был все, что красило ее безрадостную жизнь!

Нянька моя была женщина очень неглупая, но прежде всего добрая и любящая, честная и совершенно бескорыстная. Она ходила за мной шесть лет, а потом нянчила еще брата и четырех сестер. Кротость ее и терпение были невероятны; в шесть лет моего болезненного и очень балованного детства я не помню не только грубого со мной обращения, но даже и того, чтобы она хоть раз возвысила голос. Впоследствии она сделалась почти членом нашего семейства. Мать дала ей отпускную, но она и не думала оставлять нас: делила скуку деревенской жизни с моей матерью, для которой она была верным и преданным другом до самой смерти в 1854 году. После нее осталось рубля

на три разных тряпок. Так кончила свою скромную и совершенно безупречную жизнь эта замечательная женщина. Ее память — самое светлое воспоминание моего детства. Мир душе ее!

Назло всем вероятностям меня довели живого до имени моей матери, Пензенской губернии Городищенского уезда, села Архангельского, которое в народе известно только под неблагозвучным именем Чертовки. Говорят, это название дано от глубокого ущелья в ближнем лесу, Чертолома, в котором долго было становище шайки разбойников. Впоследствии я несколько раз бывал в этом ущелье — место дикое и для разбойников удобное. Легко может быть, что предание имеет основание: во время и после Пугачевщины тут была большая неурядица в народе. Многие из крестьян находились в шайке Пугачева, и я еще помню двух стариков, из которых один был есаулом и имел почему-то отрезанный кусок левого уха. Впрочем, и теперь это порядочная глушь, в точке соединения губерний Симбирской, Саратовской и Пензенской.

Мне было уже лет пять (около 1814 года), когда среди белого дня человек 12 разбойников с зажженными пучками лучины въехали верхом в село Качим (в 18 от нас верстах) и разграбили дом нашего знакомого помещика Перлатова. Хозяина не было дома; его жена с двумя мальчиками убежала через задний двор и спряталась в коноплях. Один ее сынок, моих лет, от испугу остался глухонемым на всю жизнь. В Качиме душ пятьсот, но мужчины были в поле на работе. Впрочем, все-таки зрителей было больше, чем актеров, но огнестрельного оружия ни у кого не было, а у злодеев было два ружья. Они и провели там часа три, съели даже две банки помады и выпили склянку духов, полагая это барским лакомством; оделись в лучшие мужские и женские платья и, оставив в зале целый угол лаптей, онуч и тряпья, уехали благополучно без всякого преследования. Вот что было возможно в том крае 60 лет тому назад!

Небольшой деревянный барский дом в шесть комнат, несколько лет оставаясь пустым, обветшал; комнаты натопили и по возможности убрали к нашему приезду, но нянька нашла, что жить в них было невозможно, и отнесла меня к помещику Подбельскому, жившему в том же селе.

Это была очень оригинальная личность и стоит того, чтобы сказать о ней все, что сохранилось в моей памяти. Мать моя в детстве помнила Ивана Акимовича Подбельского поверенным в делах у ее отца. В то время он уже был сед и славился знатоком в письменных делах. Это был человек высокого роста, с коротко остриженными густыми волосами, которые когда-то были черными, с нависшими густыми бровями. Он был не безобразен, но выражение лица его было злое и фальшивое. Ум, не совсем обыкновенный, он изоцрился в службе по провиантскому ведомству, по разным судам и приказам. В 1806 году он был в ополчении и возвратился прапорщиком; по этому случаю он всю жизнь носил ополченческий кафтан. В начале самостоятельной деятельности он был беден. В Архангельском была у него одна семья крепостных крестьян, и ее он эксплуатировал довольно оригинально. Морозенок, глава этой семьи, был мужик зажиточный и платил своему помещику хороший оброк, но в каждый рекрутский набор Иван Акимович забирал ему лоб и вез сдавать в рекруты. Чтобы избежать этой беды, Морозенок платил своему помещику деньги и оставался до следующего набора.

Поселившись окончательно в селе Архангельском, Подбельский занялся сутяжничеством и мелким ростовщичеством. Он брал на себя ведение чужих тяжб, выигрывал их, но в то же время втягивал своих верителей в другие хлопоты и оканчивал тем, что разорял их. Таким образом, ко времени приезда моих родителей в Архангельское у Подбельского было уже душ 30 крестьян, и он имел в окрестностях славу первого доки, могущего черное сделать белыми. Видно, подвиги его были уж слишком вопиющи, потому что дворянство постановило не допускать Подбельского на выборы, а губернское начальство исходатайствовало ему воспрещение быть ходатаем по чужим делам. Впрочем, это мало стесняло его деятельность.

Подбельский был зверски жесток со своими крестьянами. Слухи носились о засеченной женщине и об утонченном истязании другой, но все это оставалось неразъясненным благодаря его искусству ладить с судами и чиновниками. Несколько раз его отравляли, конечно, мышьяком или сулемой, но он всегда успевал вовремя принять меры против яда. У него была еще

слава, которую он с выгодой эксплуатировал: все были уверены, что он колдун и чернокнижник. Такое убеждение народа разделяла и большая часть местной интеллигенции, очень недалеко ушедшая от крестьян в образовании. Со своей стороны он делал все возможное, чтобы утвердить за собой эту славу. За 80 лет он женился вторым браком на гувернантке детей соседнего помещика, бойкой особе лет тридцати. Через год у них родился сын, а еще через год дочь: оба живые портреты Ивана Акимовича. Другого младшего сына он называл внуком, давая знать, что его племянник, соседний помещик, имеет более права называть сыном этого малютку. Старший жил недолго, а младший сделался совершенным негодяем.

В последний раз я видел Подбельского в Пензе в 1842 году. Он был очень дряхл; память ему не изменяла, но он никак не хотел верить, чтобы на Кавказе что-нибудь изменилось после того, как он в 1770 году возил провиант в Грузию для войск генерала Тотлебена из крепости Святого Димитрия (близ Ростова). Он умер 106 лет в своем имении. Страх, который наводил он на мужиков, не прошел и после его смерти. Рассказывали, что он по ночам ходит; иные бабы его видали. В одно утро могила его оказалась разрытой, труп его перевернут вниз лицом, и в него вбит осиновый кол — средство, как известно, самое верное, чтобы колдун не вставал из гроба. Лично моим старикам этот недобрый сосед сделал много неприятностей своими клязмами и наговорами под личиной участия. В притворстве и умении играть всякую роль нелегко было найти ему подобного.

Наконец приехали мои родители, и началось мое деревенское воспитание, т.е. вскармливание.

Наша деревенская жизнь шла очень однообразно. Отец и мать вставали рано; отец шел на работы, а мать начинала бесконечную возню с так называемым женским хозяйством. Впоследствии она так к этому привыкла, что это сделалось для нее необходимостью, и под влиянием этой возни, в которой она чувствовала себя полновластной и непререкаемой властительницей, сложился ее характер. Отец много ходил и уж непременно присутствовал при всех работах барщины, нередко сам брал грабли или вилы и помогал рабочим. От служебного величия полковника и полкового командира в нем ничего не осталось.

Мужики его любили и боялись. В обращении с ними он был прост и дружелюбен. С наслаждением вспоминаю его высокую фигуру с седыми волосами и в белом полотняном сюртуке, который сам он себе и шил в длинные зимние вечера, когда глаза устанут от чтения «Деяний Петра Великого» Голикова. Знакомые довольно редко нас посещали. Имение наше давало возможность быть очень сытым, но не доставляло средств для роскоши и прихотей. Впрочем, в то время весь склад жизни помещиков был очень прост. Если они иногда и проматывались, то редко на утонченные наслаждения, а более на широкое гостеприимство, псарню и кутеж.

Мне было четыре года, когда моя добрая нянька научила меня произносить по порядку буквы русской азбуки. Сама она была неграмотна и только умела называть буквы на память и по порядку: аз, буки, веи и т.д. С этого времени начинается мое образование — бессистемное, отрывочное, по методам довольно диким, а иногда и без всякой metody. Не помню, было ли мне пять лет, когда отец посадил меня за азбуку, но шести лет я уже хорошо читал и писал. Отец был первым моим учителем. Позднее он поместил меня в университетский пансион, содержащийся в Казани лектором немецкого языка Лейтером. Увидев огромное множество мальчиков (до 60), я оробел, особенно когда из другой комнаты вышла колоссальная фигура самого содержателя пансиона. Иван Федорович Лейтер при высоком росте был тучен, говорил громко и держал строго своих воспитанников. Он был человек добрый, честный и по крайнему разумению относился серьезно к своей педагогической задаче. Его худенькая маленькая супруга, Катерина Карловна, была хорошая хозяйка в доме и помогала мужу в надзоре, особенно за младшими.

Это было в 1818 году. Мое учение пошло правильнее и успешнее. Я был мальчик способный; память у меня была очень хороша. Мои успехи в науках были так удовлетворительны, что на публичном экзамене, когда мне не было еще 12 лет, профессор математики Бартельс погладил меня по голове за то, что я бойко вывел перед ним Ньютонов бином. Правда, алгебра проходила у нас по Фусу, которого сочинение можно скорее назвать сборником алгебраических рецептов, чем разумным

руководством. Экзамен был у нас обыкновенно в половине июня, и затем вакации продолжались до 15 августа. В это время за мной всегда присылали лошадей или приезжал кто-нибудь из моих стариков и увозил меня в деревню.

Этот переезд в 350 верст на своих лошадях совершался довольно оригинально. Ехали не почтовым трактом, а проселочными дорогами и всегда по одному направлению, признанному кратчайшим. От Казани первые два ночлега были у родных: в Семилучах, у тетки, и в Капреве, у дяди Петра Степановича Есипова. На остальном расстоянии ночевали всегда почти в тех же деревнях и в избах тех же мужиков. Посещения всей семьей близких родных продолжались почти ежегодно и после моего отъезда из Казани. Эта семейственная перекочевка двух или трех бричек и кибиток, наполненных детьми, прислугой, пуховиками, подушками и всякой провизией, имела свою прелесть, непонятную в нынешнем веке железных дорог и скорых почтовых сообщений. Мужики и бабы, у которых мы останавливались кормить лошадей посреди дня или ночевать, встречали нас радушно, как родных, с участием расспрашивали о нашем житье-бытье и меня называли не иначе как Гришей. Некоторые из этих добрых людей были еще живы в 1842 году, когда я в последний раз проезжал по этой дороге. По-прежнему они называли Гришей 33-летнего полковника и вспоминали то время, когда меня, больного ребенка, везли тут в первый раз.

По приезде на дневную остановку кучера отправлялись убирать лошадей и давать им сена, а семья принималась за обед. Если же ехали мы одни с отцом, то ожидали возвращения кучеров, и тогда отец говорил хозяйке свою обычную фразу: «Ну-ка, мать, что есть в печи, на стол мечи». Садились все вместе и обедали тем, что оказывалось в неприхотливойстряпне хозяйки. Трапеза шла чинно неторопливо, с какой-то важностью; разговоры велись разумные и нешумные. Не забуду я седую фигуру моего старика, когда он с простотой библейского патриарха председательствовал в этой общей трапезе со своими слугами. Не всё же безусловно дурно было в прежнем быту при крепостном праве.

Отец не мог сидеть внутри закрытого экипажа и потому дорогой садился сбоку на облучке, свесив ноги, а как мы наполовину

ехали шагом, то он всегда вставал и шел пешком версты по две и более. Вообще, он был большой пешеход и в деревне ежедневно ходил поутру верст по 10 и 15. Я часто ему сопутствовал, и это развило у меня привычку и любовь к ходьбе, что в жизни мне не раз было полезно.

Три года я пробыл в пансионе Лейтера. Старики платили за меня по 600 рублей в год, сумма в тогдешнее время огромная и далеко превышавшая ту, которую они без стеснения могли платить за мое образование. А тут еще семейство наше начало прибавляться почти ежегодно. В 1818 году родилась сестра Екатерина, в 1819 — брат Николай. Старики решились взять меня из Казани.

В то время у меня очень болела нога, которую я, вероятно, расчесал на берцовой кости. Рана не закрывалась уже месяца два. Я был золотушный ребенок. Еще на первом году жизни я потерял слух на левое ухо, из которого долгое время вытекала золотушная материя. В Казани меня лечили местные знаменитости Вердерамо и Тило, но безуспешно. Меня привезли в деревню с глухим ухом и больной ногой. Последняя излечилась оригинальным образом. К нам в деревню приезжал почти ежегодно разносчик, владимирский крестьянин, которого на родине прозвали Иваном-крестителем.

Поводом к этому прозвищу послужило то, что в 1812 году в их деревню наехали мародеры или фуражиры из неприятельских войск, занимавших тогда Москву. Мародеров было человек 15; они требовали хлеба, вина и разных припасов. Иван предложил им бочонок водки и, когда они бросились все в подвал, он вдруг затворил наружные двери, запер и завалил их. Через несколько дней мужики перебили их всех, изнуренных голодом и жаждой. Рассказывая этот случай, Иван всегда прибавлял со злобной усмешкой, что он мусьёв привел в крещеную веру.

Много зверских инстинктов вызвало бедствие 1812 года. Война была в полном смысле народная. В детстве я помню рассказы, подобные тому, героем которого был Иван, владимирский мужик. Теперь такие рассказы возбуждают только омерзение к вызвавшему их бесчеловечному фанатизму, но в свое время эта дикость спасла Россию. Ничего еще не придумала военная наука для народной войны. Но ничего подобного

и не было в Пруссии, Австрии и Франции во время погрома 1806, 1866 и 1871 годов¹, когда после одного проигранного сражения при Йене рухнула прусская монархия, войска сдавались, а крепости без выстрела открывали ворота победителям. Есть дикие силы в русском народе. Вопрос: что правители сделают из этого сырого материала? Покуда еще не видно, чтобы его обратили на пользу человечности и цивилизации.

Возвращаюсь к рассказу. Приезд разносчика составляет в захолудном помещицком быту приятное событие. Ловкий и говорливый торговец является прежде всего с реестром товаров. Оказывается, что у него все есть, что нужно: и красные товары, и посуда, и бакалея. Все это на двух или на трех возах везется из Москвы и пополняется в губернских городах по мере распродажи. Процесс осмотра товаров и разговоры с новым лицом, расторопным и бывалым, по крайней мере, столько же всех занимают, как и самая покупка. На этот раз у Ивана оказался в числе многих других товаров пластырь, заклеенный в коробочке и запечатанный. Какой это пластырь, Иван не знал, но уверен, что «очень полезительный». Мать моя по запаху догадалась, что это тот пластырь, от которого закрылась у нее фистула на глазу, долго не поддававшаяся никаким другим средствам. На этом основании пластырь был куплен и тотчас же приложен к моей ноге, а через неделю рана зажила.

Таково было и есть врачевание по всей России; между крепостными же главную роль играют заговоры, нашептыванья и бесчисленное множество предрассудков и поверий, передаваемых из рода в род и губящих людей столько же, как и самые болезни. Врачей и ныне почти нет, а в то время и совсем не было.

¹ 14 октября 1806 г. наполеоновская армия в двух сражениях при Йене и Ауэрштедте разгромила основные силы прусских войск, после чего сопротивление Пруссии было сломлено; 3 июля 1866 г. в сражении при Садовой (ныне Чехия) прусская армия разгромила австрийские войска, после чего Австрия фактически прекратила сопротивление. Говоря о Франции и 1871 г., автор, вероятно, имеет в виду сражение под Седаном, имевшее место 1 сентября 1870 г., когда в ходе Франко-прусской войны пруссаками под Седаном была разгромлена и капитулировала 100-тысячная французская армия во главе с императором Наполеоном III. Франция лишилась своей регулярной армии и проиграла войну.

Если наезжал иногда лекарь в деревню, то или для вскрытия тел скоропостижно умерших, или для прививки оспы. В обоих случаях, заведев его, дети разбегались в лес или прятались в коноплях, а взрослые старались избежать встречи с лекарем, чтобы их не заставили быть при том, как станут потрошить бедного покойника. Эта операция всегда возбуждала в народе ропот и враждебное отношение к врачам и к администрации.

В конце зимы отец повез меня в Саратов и по чьей-то рекомендации поместил в пансион Квятковского, где за меня платили ста рублями дешевле, чем в Казани.

Николай Степанович Квятковский был бодрый старик лет 55-ти. Он служил прежде землемером и на этом основании слыл ученым. Оставив службу несколько лет тому назад, он завел пансион для мальчиков. Говорят, что в первое время его заведение шло хорошо, но старик вздумал завести кирпичный завод и работать машиной, которую сам изобрел. Это поглотило не только все его время, но и все небольшое его состояние. В последнем много помогли ему жившая с ним свояченица-вдова, дочь — девица лет 24-х и сын, служивший помощником губернского архитектора. Это было нехорошее семейство. Впрочем, старика можно упрекнуть только в том, что пансионом он совсем не занимался и не старался иметь порядочных учителей.

Проэкзаменовав меня, он сказал отцу, что я многому учился, но ничего основательно не знаю. Тут была доля правды, но нужно признаться, что в его пансионе я кое-что забыл и ровно ничего не приобрел. Сам он учил нас французскому языку, арифметике и географии, но все учение состояло в задавании уроков *отсель досель*, и выучивании наизусть. Сверх того он по целой неделе иногда совсем нас не видел; учителя были так же неисправны. По субботам после обеда и по праздникам мы были свободны от всяких занятий, и нам позволялось гулять по городу вместе или поодиночке без всякого надзора. В субботу вечером мы должны были ходить к всенощной, а в воскресенье — к обедне. Чтобы не стоять долго, мы обыкновенно поодиночке кочевали из одной церкви в другую, выжидая конца службы.

Таким образом я попал в церковь Св. Сергия на высоком берегу Волги, с которой открывался обширный вид. Церковь была старинная, каменная, очень большая. У всенощной прихожан

было мало; служил протоиерей, маститый старец за 80 лет. Служба при этой обстановке произвела на меня глубокое впечатление. Приходя каждую субботу к всенощной, я становился в алтаре. Священник привык видеть меня и всегда говорил несколько ласковых слов или упрекал, если я опаздывал. Это был старец замечательной красоты наружной и душевной. Кротость, доброта и сознание святости своего призвания видны были во всех словах его и действиях. Я привязался к нему всей душой. Мир душе твоей, старец! Я считал тебя одним из своих благодетелей и едва ли не единственным наставником в учении Христовом, хотя не по школьному руководству. В одну субботу я узнал, что старец скончался. На другой день я был на его похоронах и оплакал его как отца. Протоиерей громко и внятно читал молитвы, обычные при погребении протоиерея. Торжественность обряда и красноречие молитв вызвали у меня нервный плач.

Через 42 года (в 1864), я опять посетил церковь Св. Сергия. Она несколько не изменилась, но мне не удалось возбудить в себе прежнего молитвенного настроения. Вероятно, воспоминание о нем было причиной того, что во всю жизнь я охотно посещал церковь во всенощную и редко в обедню, слишком обремененная торжественностью которой и внешняя обстановка не позволяют сосредоточиться для искренней молитвы.

Осенью меня опять взяли в деревню, а недели через две отец отвез в Пензу, где я принят был в 1-й класс гимназии, а жил у директора, Ивана Ивановича Лажечникова, содержавшего в своем доме небольшой пансион. Это был будущий автор «Последнего Новика», «Ледяного дома» и других романов, написанных под сильным влиянием Вальтера Скотта, но в свое время занимавших почетное место в русской литературе. Гимназией он мало занимался, зато она и была в таком порядке, что привела бы в ужас самого снисходительного из нынешних педагогов. Учителя были плохи, некоторые приходили в класс пьяными, руках давали большую волю, но ученьем не стесняли. Перемены продолжались по часу, а часто учителя совсем не приходили. Свободное время употреблялось на кулачные бои класс на класс. Надзору никакого. Грязь везде была невообразимая.

В июне 1822 года я перешел во 2-й класс, а 1 января 1823 года мне минуло 14 лет. Отец, вступивший в военную службу 13-ти лет, нашел, что и мне пора. Старый сослуживец, генерал Кузьмин, присоветовал ему записать меня юнкером в Олонецкий пехотный полк. Встретилось затруднение: в службу можно было определиться не моложе 17 лет, но это, по-видимому, неодолимое затруднение было легко устранено посредством пятирублевой бумажки, данной секретарю Консистории.

Отец повез меня в город Наровчат, где был штаб Олонцкого пехотного полка. На дороге, в городе Инсаре, мы случайно встретили унтер-офицера этого полка; он присоветовал моему отцу просить, чтобы меня зачислили в 3-ю мушкетерскую роту: обстоятельство, кажется, совершенно ничтожное, но имевшее благотворное влияние на всю мою жизнь. Полком командовал полковой командир Геннадий Иванович Кознаков¹, числившийся прежде в Семеновском полку, но, как видно, не бывший в этом полку во время возмущения этого полка против своего командира Шварца, и в то время имевшего незавидную славу зверской жестокости¹¹. Отец побывал у полкового командира, кончил все формальности и на другой день уехал в деревню, а я отправился в юнкерском мундире в 3-ю

¹ Кознаков (Казнаков — автор употребляет оба варианта написания фамилии) командовал Олонцким пехотным полком в 1821—1826 г.

¹¹ Имеется в виду так называемая Семеновская история, произошедшая в октябре 1820 г., когда возмущенные зверствами нового командира полка — полковника Ф. Е. Шварца, известного своим солдафонством, жестокостью и грубостью, протеже А. Аракчеева — солдаты «роты Его Величества» самовольно вышли на переключку и отказались выполнять приказы начальства. После того как рота была окружена подразделениями лейб-гвардии Павловского полка и под конвоем отправлена в Петропавловскую крепость, остальные подразделения Семеновского полка поддержали товарищей, требуя их освобождения и отказываясь подчиняться командованию. Они также были арестованы и отправлены в крепость. Эта история, раздутая чуть ли не до размеров вооруженного мятежа, сильно подействовала на императора Александра I, являвшегося шефом Семеновского полка еще в бытность свою наследником престола. По его приказу полк был раскассирован, офицеры и нижние чины распределены по различным армейским полкам, солдаты «роты Его Величества» биты шпицрутенами и отправлены на каторгу, Шварц предан суду и отправлен в отставку. Новый Семеновский полк сформировали из офицеров и солдат Гренадерского корпуса.

мушкетерскую роту, стоявшую на тесных квартирах в деревне Шиловке, в трех верстах от Наровчата.

Здесь конец моему детству. Воин, защитник отечества, я уже был самостоятельным гражданином. В сущности, я был совершенно ребенок; у меня сохранился мой первый китель, похожий на одежду куклы скорее, чем на солдатский мундир. Крестьянские мальчишки, к великому моему огорчению, кричали «Гриша, Гриша», когда я проходил по деревенской улице. Житейского смысла и опытности — никаких. И такое дитя пустили на распустье дорог с правом самостоятельного выбора!

Олонецкий пехотный полк, куда я определился, принадлежал к 5-й пехотной дивизии и 2-му пехотному корпусу и славился хорошим обществом офицеров. Хорош ли был полковой командир, я не знаю, но, вообще, Г. И. Казнаков был человек образованный и порядочного общества. Это, вероятно, отражалось на всей его полковой семье и до некоторой степени умеряло дикость нравов этого варварского времени для нашего военного ведомства.

3-й мушкетерской ротой командовал Егор Яковлевич Непенин. Он был лет 35-ти, был в кампании 1814 года и довольно долго оставался в Париже. В полку он считался отличным ротным командиром и коноводом. У матери его было имение в Вологодской губернии, и потому он менее многих других товарищей был подавлен крайне скудным тогдашним содержанием. Егор Яковлевич был человек честный, замечательно добрый, разумный и порядочно образованный. Я считаю его своим благодетелем и сохраняю навсегда память о нем. Ему я обязан тем, что не попал в ту колею, по которой шла бóльшая часть моих товарищей. Кроме меня, юнкеров в полку было 66. Между ними были такие, как братья Жулябины, однодворцы¹, всту-

¹ Особый разряд военно-служилого сословия, сформировавшийся в основном на южных границах Московского государства XV–XVII вв. Однодворцы не имели большинства дворянских прав и привилегий, платили налоги и несли повинности (в том числе рекрутскую), однако могли владеть землей и крепостными крестьянами, а также были освобождены от телесных наказаний. При прохождении военной службы однодворцы имели ряд льгот и легче, чем выходцы из низших сословий, могли выслужить офицерский чин и приобрести потомственное дворянство.

пившие в службу, чтобы не потерять дворянских прав. Старший, мужик лет 30-ти, привел двух братьев к полковому командиру в лаптях. Грамоте они знали столько, чтобы нацарапать свое имя с грехом пополам. Но это были люди только простые и, вероятно, честные, а между юнкерами были и такие, которые были равнодушны к двугривенному своего ближнего.

Ротный командир принял меня ласково и послал к фельдфебелю для получения квартиры. В роте оказался у меня земляк, юнкер Андриянов, из Базарной Кеньши, в 12 верстах от нашей деревни. Фельдфебель Филипп Гаврилович Казанков принял меня с подобающей важностью, саркастически отозвался о пользе, которую могут принести такие царские слуги, и когда я попросил, чтобы меня поставили с Андрияновым на одну квартиру, благосклонно спросил:

— А что, али однокорытники?

Деревня Шиловка была экономическая¹, в ней было душ 200 мужского пола. Мужики были очень бедны после пожара, года три назад истребившего все дома. С Андрияновым стояли еще человек пять солдат, которые «белились» в то время, когда я взошел в избу. Это значит они чистили белые ремни своей амуниции. В избе был совершенный хаос: пыль столбом, везде меловые брызги покрывали исконную грязь пола и лавок. Оказалось, что Андриянов жил не в избе, а по летнему времени, в хлеве, где многие поколения скота и птиц оставили аршина на полтора навозу. Туда за ненадобностью втащены розвальни, на них положена солома, покрытая синей крашеинной простыней с двумя такими же подушками, и на всем этом роскошно развалился Андриянов, очевидно, довольный своим положением. Вокруг него по стене были развешаны его доспехи: кивер, сума, португез, тесак и т.д.

Тут же мы решили втащить для меня другие розвальни и устроить ложе у другой стены. Нас позвали обедать. На дворе за стол, накрытый грязнейшим столешником, уселись с нами пять солдат. Каждый принес свой хлеб, хозяйка подала большую чашку щей с лебедой, приправленных кусочком свиного сала

¹ Т. е. бывшая монастырская, ставшая собственностью государства после секуляризации церковной собственности при Екатерине II.

и ложкой молока. «Вот она, солдатская-то нужда», — думалось мне. Я был совершенно счастлив сознанием, что и я несу тягости военной службы, о чем слышал с завистью нередкие рассказы моего отца. Однако щи были очень невкусны, и я от них совсем отказался, когда один из солдат вытащил из них большого таракана. Хозяйка, все время смотревшая на меня пригрюнившись, расплакалась, что я молодешенек пошел на чужую сторону и на солдатскую нужду. Добрая женщина принесла мне стакан молока, отняв его у своих малюток. После нашего обеда меня позвали к капитану обедать, а возвратившись вечером домой, я нашел неожиданное великолепие: Иван, бывший моим дядькой в пансионе, а теперь посланный со мной с благовидным титулом слуги, поговорил со старостой; явились мужики с вилами и лопатами, навоз подняли до земли и увезли, а землю посыпали песочком и вообще устроили мою резиденцию кокетливо и с возможным комфортом.

Иван Никитич был крепостной моей матери. Это был человек лет 26-ти, приятной наружности, неглупый и большой фронт. Он самоучкой выучился сапожному мастерству, шил хорошо и работу любил. У него водилась денюга, но он любил веселую компанию и бывал пьян; впрочем, пьяницей он никогда не был. Семейная жизнь его была несчастлива. За мной смотрел он хорошо, и я его любил.

Водворившись в своей резиденции, я расспросил Андриянова как и что.

— Главная сила — задобрить фельдфебеля. Я ему подарил десятирублевую бумажку, на рубашку ситцу и полштофа сладкой водки.

Посоветовавшись с Иваном, я послал такой же гостинец с прибавкой. Это было довольно чувствительно для моего кошелька, в котором было 70 рублей ассигнациями. Впрочем, моя щедрость пропала даром: Филипп Гаврилович обиделся, что я не сам принес, а прислал с Иваном, что последнему не помешало возвратиться навеселе.

Филипп Гаврилович Казанков был типический фельдфебель того времени. Лет под сорок, среднего роста, коренастый, грамоте не знал, но память имел очень хорошую, держал роту в ежовых руках но как начальник, так и подчиненные были им

довольны. Ко мне он был не расположен, дал самую жирную ремennую амуницию, мундир пригнал так узко, что со мной сделалось дурно. «Сомлел... эх, дворянчик». Больше он мне ничего сделать не мог, потому что ротный командир взял меня под свое особое покровительство.

Можно вообразить мое удивление, когда в 1832 году на дневке близ Ломзы ко мне явились Филипп Гаврилович и бывший мой дядька Василий Горбунов. Последний был капральным унтер-офицером; первый продолжал быть фельдфебелем той же роты; прибавились у него только Георгиевский крест за Турецкую войну¹ и золотой шеврон. Это были единственные остатки третьей мушкетерской роты моего времени. Их полк делал Турецкую войну², был два раза комплектован и возвратился в Россию в составе 137 нижних чинов. Нужно было случиться, что моя рота, возвращаясь после войны из Польши в Россию³, дневала именно в той деревне, где был постоянный ротный двор 3-й мушкетерской роты Олонецкого полка. За эти девять лет Филипп Гаврилович преуспел в грамоте: умел читать, а по нужде и нацарапать свое имя. Его хотели представить в подпоручики, но он решительно отказался, говоря:

— Какой я буду офицер? А как исправный фельдфебель я во всей дивизии известен.

В год моего вступления на службу Олонецкий полк не стоял в лагере, а был собран на тесные квартиры вокруг полкового штаба. Наровчат скорее походил бы на большое село, чем на город, если бы не было присутственных мест и десятка лавочек. Окрестные деревни были одинаково бедны и грязны, но, если я не ошибаюсь, тогдашняя бедность была лучше нынешней. Пьянства было гораздо меньше, подати легче, а потому сытых в народе было больше, чем ныне. Взятки и поборы были те же, но чиновников было меньше, да и довольствовались они

¹ Имеется в виду Русско-турецкая война 1828–1829 гг.

² Олонецкий полк участвовал в блокаде Журжи, осаде Силистрии, в сражении при Кулевче и в походе за Балканы.

³ Имеется в виду подавление Россией Польского национально-освободительного восстания 1830–1831 гг., которое приняло характер настоящей войны, так как Царство Польское располагало регулярной армией, усиленной добровольцами и дополненной повстанческими отрядами.

меньшим, потому что, вообще, роскошь и прихоти были менее развиты во всех сословиях. В Наровчатском уезде было много помещиков, но большей частью людей небогатых. Уровень их образования был низок, нравы грубы, но потребности легко удовлетворялись продуктами крепостного права, которые некоторые эксплуатировали не совсем гуманно. Роскошь составляли гостеприимство, кутежи и охота. Теперь все это изменилось, и только духовенство и большая часть купечества остаются покуда неизменно верными своим дедовским преданиям.

Весной, со вступлением на тесные квартиры, начиналась усиленная учебная деятельность. В войсках фронтное обучение солдат не было доведено до таких тонкостей, как это было в царствование Николая Павловича, когда какой-то забавник справедливо назвал одиночное учение фронтологией. Действительно, это сделалось наукой со своими аксиомами, своими личными взглядами, возбуждавшими жаркие споры, со своей терминологией, непонятной профанам, и со своими фанатиками, искренними и притворными. В царствование Александра I одиночное учение в войсках было на втором плане, умение маневрировать было неудовлетворительно, главным делом считался церемониальный марш. На смотрах всю надежду возлагали на него и на общее усердие. Я говорю, конечно, об армии; вероятно, это было иначе в гвардии и совсем иначе в саперных войсках, которые были под начальством генерал-инспектора, тогда мало думавшего о престоле¹.

Но эта, казалось, немудреная наука дорого доставалась бедным солдатам. С началом ученья начиналось немилосердное дранье и зубодробление за малейшее движение, которое признавалось ошибочным. Драли розгами, палками, шомполами и тесаками. Были начальники, которые особенно славились

¹ Имеется в виду великий князь Николай Павлович (будущий император Николай I), в 1817 г. назначенный генерал-инспектором по инженерной части. Николай *мало думал о престоле*, поскольку в соответствии с Актом о престолонаследии от 1797 г. наследником бездетного Александра I считался следующий по старшинству брат — великий князь Константин. Однако приблизительно с 1819 г. Николай должен был знать о планах Александра I передать корону ему в связи с нежеланием Константина становиться императором.

тем, что в их частях с каждого учения по несколько человек уносили на плащах. Сто розог или палок было легким наказанием: давали по тысячи и полторы тысячи ударов. Все это происходило перед фронтом по одному слову начальника, часто произнесенному в запальчивости. Случалось, что на ученые вместе с частью войск привозился воз палок; унтер-офицеры всегда имели палки в стволе ружья и сзади под фалдами мундира. Драли и колотили по зубам солдат все, начиная с ефрейтора; в саперных батальонах были люди, получающие зуботычины из рук, впоследствии державших скипетр.

При определении меры наказания начальник ничем не был стеснен. Казалось бы, этот произвол мог сделать наказание менее жестоким, но нужно вспомнить общую дикость нравов и жестокость этого времени, наследство предшествовавших веков. И вот Петров или Иванов начинает прогулку по зеленой улице (технический термин) между двумя рядами солдат. У каждого — лоза аршина полтора длины и в мизинец толщины. Каждый при проходе несчастного ударяет его по голой спине. Пройдя весь строй, возвращается назад; лекарь щупает пульс и решает, можно ли продолжать наказание. Если нельзя, Петрова или Иванова отправляют в лазарет, лечат и снова выводят, чтобы «доходить положенное число разов». Кто поверит, что были выдерживавшие 12 тысяч лозанов? Кто поверит, что хлестание этой безобразной массы черного окровавленного мяса, возимого на тележке, продолжалось даже и в то время, когда Петров или Иванов стоял уже пред престолом Милосердного Судьи?

Многие из этих страшных сцен я видел своими глазами во времена моего юношества и первой молодости, где под старость обыкновенно ищут светлых воспоминаний... История смягчит суд об этом варварском, кровавом времени, но человечество благословит того, кто избавил Россию от этих кровавых зрелищ¹, поняв, что телесные истязания унижают пре-

¹ Реверанс автора в адрес императора Александра II, при котором в рамках широкой военной реформы 5 мая 1868 г. был принят Воинский устав о наказаниях, официально отменивший телесные наказания вроде прогона сквозь строй. Однако «неуставное» рукоприкладство со стороны офицеров и унтеров в отношении рядовых сохранялось до падения империи. Во вре-

ступника, унижают солдат, которые являются палачами своего собрата, и, наконец, унижают правительство, которое не понимает военной дисциплины, не основанной на дранье и зубодроблении.

В два года моей службы в роте я не помню, чтобы Егор Яковлевич на ученье кого-нибудь своеручно ударил; он и назначал наказание в редких случаях. Солдаты его очень любили. Роль Аракчеева играл у него Филипп Гаврилович, который в отсутствие ротного командира не клал охулки на свою руку. Если в роте и им были довольны, то только потому, что он барином не прикидывался, жил с солдатами по-солдатски и подчас не прочь был разделить с ними беседу и штоф водки.

В роте было немало людей, которые имели медали за 1812–1814 годы; они помнили еще по нескольку слов французских и немецких и охотно рассказывали о своих походах. Старики были со мной очень ласковы. Тяжела была тогда солдатская служба. 25-летний срок продолжителен до нелепости, а если кто был оштрафован хотя бы смещением из унтер-офицеров в рядовые за незнание фронта, тот оставался на службе всю жизнь. При ротных артельных лошадях у нас был рядовой Плешкин, старец лет 70-ти, почтенной наружности и всеми уважаемый. Он служил без отставки, потому что был из польских пленных; прослужив 48 лет, он, конечно, мог выйти в неспособные на родину, в инвалиды, но старик давно забыл свою родину, где он, вероятно, иначе и назывался, и сроднился с ротой, в которой он пережил много поколений. Эта грустная картина напоминала мне слова моего отца: «Молодой солдат — старый нищий».

Полковой сбор кончался смотром бригадного командира. Я на нем не был, потому что не в силах еще был поднимать 14-фунтовое ружье и таскать пудовый ранец. Правильнее будет сказать, что этой льготой я обязан был доброте моего достойного ротного командира, который отечески обо мне заботился.

После смотра мы отправились на зимние квартиры, верст за 20 от Наровчата. Ротный двор был в экономическом селе Покровском, где было около 2000 душ и две церкви. Здесь мужики

мя Первой мировой войны *официально* устраивались порки целым подразделениям.

были зажиточнее: денег, правда, ни у кого не было, но не было и голодной нужды. Егор Яковлевич взял меня к себе на квартиру, но независимо от этого мне и Ивану были отведены квартиры, каждому по 24 ревизских души. На эти квартиры я обыкновенно ходил поочередно утром есть сливки и яичницу. Добрые люди были ко мне ласковы; обижали меня только мальчишки, которые продолжали называть меня Гришей.

На зимних квартирах солдатам давался безусловный отдых, если не считать службой одиночных по избам учений ружейным приемам, учебному шагу и *пунктикам*: так называлась у солдат книжечка, которую безграмотные солдаты должны были заучивать наизусть. Там, сверх многих довольно отвлеченных и тайных толкований о значении и обязанности солдата, были имена его начальников. Нельзя было без смеху и жалости смотреть, как какой-нибудь чуваш или хохол коверкал свой язык, чтобы на вопрос: «Кто у тебя главнокомандующий?» — отвечать: «Генерал от инфантерии граф Фабиан Вильгельмович фон дер Остен-Сакен¹».

На зимних квартирах вне служебных занятий солдат пользовался совершенной свободой в одежде и жизни. Он надевал полушубок и шапку своего хозяина и старался сделаться его семьянином, помогал в работах полевых и домашних. Конечно, народную нравственность это не улучшало, но солдат отдыхал в привычном ему быту и был гораздо здоровее, чем тот, который зимовал в вонючих казармах, отапливаемых из экономии человеческой теплотой.

Если устранить все грубое и дикое, принадлежавшее тому времени, едва ли не окажется, что тогдашний порядок содержания и употребления войск был рациональнее нынешнего. Лагерная жизнь не имеет ничего общего с жизнью в крестьянском быту и с жизнью солдата в военное время. Большая часть фронтальных тонкостей имеют значение условное и совсем бесполезны для прямого назначения войск, а между тем дорого стоят здоровью солдата. Худо было тогда то, что совсем не заботились о физическом и умственном развитии солдата и не учили

¹ Остен-Сакен в 1818–1835 гг. был главнокомандующим 1-й армией, куда входил Олонецкий пехотный полк.

его стрелять в цель. В два года службы в полку я не слышал ни одного боевого выстрела, хотя отпускалось по три патрона на человека. Впрочем, и ружья были отвратительно дурны, испорчены варварской чисткой, с изогнутыми стволами и неисправными замками. Щегольством был частый батальонный огонь в развернутом фронте, чему помогали огромные затравки, из которых при зарядании высыпался порох на полку.

Много дикого было тогда, но немало осталось и теперь. Тогда не было, по крайней мере, такой ефрейторщины и игры в солдатики, какая ныне царствует в военном ведомстве в малых и огромных размерах. Тогда не считали мирных маневров школой для боя, а военной игры — школой для образования полководцев. Впоследствии времени мне только на Кавказе пришлось видеть войска, в которых еще сохранились суворовские предания. Это были в полном смысле *des héros en guénilles*¹, но они едва могли ходить в ногу, о равнении на церемониальном марше имели смутное понятие, а о том, что такое щегольской развод, и не подозревали. Теперь, говорят, общий уровень прошел и по этим раскольникам военного ведомства. Жаль мне вас, боевые товарищи, жаль и России! Зубодробительная и задирабельная дисциплина с 25-летним сроком службы теперь, конечно, невозможна; оказывается настоятельная необходимость внести разумные начала в военный быт, относиться трезво и без увлечений ко всем особенностям народного характера и Русской земли, а пуще всего перестать играть в солдатики.

Беда, если у нас будет прусская армия. Нечасто придется иметь дело с неприятелем, которого армии после первого неудачного боя падают духом и кладут оружие. Нам нужны войска, которые после тысячеверстного отступления дерутся, как львы под Бородиным. А вряд ли этого можно ожидать от войск, которые образуются на основании новой военной организации. В ней много гуманного, но мало русского; она может быть вредной или гибельной; последнее, если нас война застанет до окончания преобразований. Вредной эта реформа, по моему разумению, будет, безусловно, до тех пор, пока народное образование не придет в уровень с требованиями новой

¹ герои в отряпках (*фр.*).

организации войск. А это будет очень нескоро. Основанием и корнем солдатской семьи служат унтер-офицеры и старые солдаты. Ни тех, ни других не может быть при нынешнем сроке службы, из которого еще полагается увольнять в полуторагодичный отпуск. Образованные офицеры будут более или менее далеки от солдат, и именно на всю разность их умственного развития. Говорят, что при всесословной военной повинности в рядах солдат будут молодые люди развитые и образованные. Это правда, и такой аргумент был бы очень важен, если бы будущие войны могли оканчиваться одним боем или в короткое время, но для трудных, продолжительных войн нужны закаленные ветераны, *de vieux grogneurs*¹; нужны ширванцы, кабардинцы, курицы, мингрельцы, нижегородцы, тенгинцы^{II}, которые по десятку лет не видали своего полкового штаба и находили это совершенно естественным. Вечная память вам, простодушные воины, не подозревавшие своего великого героизма! Потомки не поверят вашей скромной доблести и будут мерить вас на свой аршин. В 1828 году, когда Ермолов только что оставил Кавказ, знаменитый Ширванский полк должен был вступать в Тифлис после 11-летних непрерывных походов и военных действий. Дибич должен был смотреть этот полк при вступлении. Попечительное начальство отправило за одну станцию новые шинели на весь полк, чтобы славные лохмотья ширванцев не мозолили глаза солдата «немецких пудренных дружин»^{III}. Но Бог знает, куда увлекли меня воспоминания. Возвращаюсь к моему юнкерству.

Весной 1824 года начались усиленные фронтовые занятия. Государь должен был смотреть 2-й корпус в Пензе. Мы пришли на прежние тесные квартиры. Часто собирался весь батальон

^I старые ворчуны (*фр.*). Так Наполеон называл гренадеров своей старой гвардии.

^{II} Т. е. солдаты полков Отдельного Кавказского корпуса Ширванского, Кабардинского, Курицкого и Тенгинского пехотных, Мингрельского гренадерского и Нижегородского драгунского, отличившихся в боевых действиях на Кавказе.

^{III} Несколько измененная строка из стихотворения А. С. Пушкина «Моя родословная» (в оригинале: «австрийских пудренных дружин»), в котором так назван дед графа П. А. Клейнмихеля (1793–1869). И. И. Дибич был выходцем из Пруссии, в армии которой любили и пудренные парики, и шагистику.

Именной указатель

А

Абат, шапсугский дворянин 127
 Авдотья Назаровна, нянька автора 15
 Авинов Александр Павлович 268
 Агафангел, митрополит 248
 Айвазовский Иван Константинович 194
 Акаевский, муж сестры автора 116
 Александр I Павлович 30, 39, 43, 44, 57, 58, 68, 104, 108, 113, 299, 370
 Александр Македонский 37
 Александров, прапорщик 119
 Али-Хырсыз, разбойник 129, 131, 133
 Алкин, поручик 126
 Алферов А. В. 51, 52
 Альбрандт, полковник 351, 352
 Амосов, полковник 358
 Андреев, подпоручик 100
 Андриевский, доктор 391
 Андриянов, юнкер 27, 28
 Анреп (урожд. Эльмпт) Цецилия Филипповна 301
 Анреп Иосиф Романович фон 298–301, 303–307, 310, 311, 314–316, 318–320, 322, 323, 325, 326, 329–336, 339, 344, 346–349, 357
 Антонович Платон Александрович 219, 230, 234, 257, 263, 291, 295, 297, 363
 Анчибадзе, князя 236

Арид, род 238, 294
 Асинцов, рядовой 76, 95
 Атаджукны князя 123
 Афанасий, слуга автора 76, 95

Б

Бабич, войсковой старшина 306
 Бабушкин, полковник 358
 Багриновский, рядовой 6-го линейного батальона 288
 Базилёв, доктор 75, 76
 Баранов Эдуард Трофимович 197
 Баратынский Ираклий Абрамович 278, 279
 Барахович, зауряд-хорунжий 244, 245
 Барахович, подполковник 318, 334
 Баргельс Мартин Федорович 19
 Бяратинский Александр Иванович 156, 425–428, 434, 435
 Баумгартен Александр Карлович 240
 Белль Джеймс Станислав 302
 Белугин Федор Петрович 99, 100
 Белый, прапорщик 378–380
 Бенардаки Дмитрий Егорович 420
 Бенкендорф, граф 141
 Берг Федор Федорович 419
 Бергенгейм, офицер Генерального штаба 85

Бергенстролле, офицер Генерального штаба 85
 Берсенева, майор 336–338
 Бестужев-Марлинский Александр Александрович 138, 140, 240
 Бестужев-Рюмин Михаил Павлович 47
 Бефани, лейтенант 204
 Бибииков, подполковник 355, 373
 Бисмарк Отто 270
 Блудов Дмитрий Николаевич 45
 Блюхер Гебхард Леберехт 270
 Богаевский, штабс-капитан 215
 Богданович Ипполит Федорович 113
 Богданович Модест Иванович 113, 116
 Богородский, прапорщик 93
 Болотов Алексей Павлович 106, 113
 Бороздин Михаил Михайлович 228
 Бороздина Анна Михайловна 228
 Брайко Михаил Григорьевич 334
 Бриммер Эдуард Владимирович 159–161, 169, 171
 Бринк Егор Егорович фон 253, 264, 313
 Броневский Павел Николаевич 392
 Брунов, капитан Генерального штаба 85, 93
 Брусилов, полковник 339, 340
 Будберг Александр Иванович 80, 310, 350, 351, 355–357, 359–361, 364, 415
 Бульчев Яков Иванович 394, 395
 Бурбоны 413
 Буржуа де Ришмон Элизабет (Екатерина Николаевна) 294
 Бурковский А. Т., командир 2-й фузилерной роты 62
 Бутаков Григорий Иванович 209
 Бутовский, полковник 85

В

Бутурлин Дмитрий Петрович 41
 Бутырский Никита Иванович 107
 Буюров, полковник 343
 В. Дмитрий Дмитриевич 419, 420
 Вавила, старостиха 73
 Вадбольский Александр Петрович 46, 47
 Вадковский, начальник корпусного штаба 181
 Вальяно Ставр Григорьевич 278, 279, 346, 347, 348
 Васильев Константин, капральный 100
 Вахвахов, князь, капитан 148
 Веймарн Иван Федорович 106
 Веллингтон Артур Уэлсли 58
 Вельяминов (при Грозном) 141
 Вельяминов Алексей Александрович 120, 122, 125, 132, 134–138, 141–147, 154–156, 159–175, 177–179, 181–183, 185–188, 220, 222, 257, 259, 260, 320, 330, 365, 367, 373
 Вельяминов Иван Александрович 141
 Вердерамо, доктор 21
 Вессель Егор Христианович 106
 Видок Эжен 315
 Вильгельм I 270
 Виспольский, портной 115
 Витковский, полковник 352, 353
 Витт Иван Осипович 82, 83
 Власов Максим Григорьевич 87, 88, 157
 Войт, юнкер 39
 Волков Василий Яковлевич 39, 40
 Волобуев Иван 373
 Вольф Николай Иванович 404, 410, 411

Х

Хаджи-Берзек Дагумоко
236, 238, 316, 321
Хай-Джибермесов Андрей 302
Хамид-бей (Михаил) 236, 241
Хан-Гирей 145
Херхеулидзе Захар Семенович 230
Хлопицкий Юзеф 69, 91
Хлюпин, полковник 317, 319, 374
Хмельницкий Николай Иванович 394
Ховен фон дер, полковник 181
Хомутов Михаил Григорьевич 422
Хомутов, капитан-лейтенант 204
Хрисанф, сын няньки автора 15
Хромов Лев Львович
320, 321, 392, 393
Хрущов Степан Петрович 252

Ц

Цакни Михаил Аргирьевич
363, 364, 433
Цак, род 294
Цеге фон Мантёйфель, поручик 129
Цицианов Павел Дмитриевич 167
Чавчавадзе, княгиня 431
Чайковский, полковник 177
Чекалин, обер-аудитор 47
Чеодаев Михаил Иванович 70
Чернышев Александр Иванович
114, 185, 215, 260, 328, 239,
332–335, 366, 412, 414, 418
Чечь, княжеский род 236, 238

Ш

Шамиль, имам 152, 182, 214,
222, 223, 327, 328, 335, 354, 371,
376, 396, 426, 431–434, 434
Шатилова, помещица 131
Шатобриан Франсуа-Рене де 114
Шаховской Иван Леонтьевич 72, 85

Шервашидзе, княжеский род 236, 310
Шервашидзе Дмитрий 310
Шервашидзе Михаил 241, 309
Шеринг, доктор 186, 187
Шиллер Фридрих 250
Шильдер Карл Андреевич 369
Шимановский, помещик 72
Шипин, поручик 94
Шиянов А. Н., выпускник
Военной академии 114
Шлегель 2-й, выпускник
Военной академии 113, 116
Шмаков Александр Васильевич 47
Шоу, машинист 204, 205
Штейбен, генерал-майор 170, 185
Шуберт Федор Федорович 114, 115
Шульгин Иван Петрович 107
Шульц, полковник 279, 280, 336

Э

Эккартсгаузен Карл фон 49
Эммануэль Георгий
Арсеньевич 124, 220, 341
Эмме Алексей Федорович 37
Энгштрём-де-Ревельштадт,
граф, полковник 216, 217
Эспехо Яков Михайлович
235, 239, 240, 241, 289
Эссен Петр Кириллович 367

Ю

Юнг-Штиллинг Иоганн Генрих 49
Юрьев, полковник 395, 396, 403
Юсуф-мирза 13

Я

Ягеллоны, династия 68
Языков, профессор 118, 120
Янков, зауряд-хорунжий 119
Яшвиль Лев Михайлович 51

Содержание

Григорий Иванович Филипсон и его воспоминания.....	5
Воспоминания.....	9
Воспоминания о Г. И. Филипсоне с 1848 по 1883 год.....	422
К запискам Г. И. Филипсона.....	431
Именной указатель.....	436

Филипсон Григорий Иванович

Воспоминания

Редактор *В.Е. Климанов*
Выпускающий редактор *Е.Д. Щепалова*
Корректор *Л.А. Катренко*
Компьютерная верстка *Л.Ф. Комаровская, С.В. Панфилов*

ООО «Кучково поле»

123376, Москва, ул. Красная Пресня, д. 28, стр. 2, оф. 307
Редакционно-издательский отдел: +7 499 253 90 01
kpolemuzeon@gmail.com
www.kpole.ru

119071, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 10, оф. 420
Отдел реализации: +7 495 256 04 56 (доб. 1)
info@kpole.ru

ООО «Издательский центр «Воевода»
127543, Москва, ул. Лескова, д. 13А, пом. 3П

Подписано в печать 13.11.2019.
Формат 125 × 200 мм
Усл. печ. л. 23,52. Тираж 1000 экз.
Заказ № 9053

ISBN 978-5-9950-0989-4 (ООО «Кучково поле»)
ISBN 978-5-9907252-7-0 (ООО «Издательский центр «Воевода»)

Отпечатано в типографии ООО «ТДДС-Столица-8»
111024, Москва, шоссе Энтузиастов, д. 11А, корп. 1, оф. 1
Тел.: (495) 363 48 48
<http://capitalpress.ru>